

Виктор Пронин

Испанский гость

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

Испанский гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143472

Виктор Пронин. Выигрывать нужно уметь: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17759-0

Аннотация

«Будем считать, что это случилось ранним вечером.

Наталья Михайловна готовила нехитрый ужин из картошки и легкого салата, а Вадим Кузьмич за небольшим письменным столиком просматривал проявленные пленки. Танька сидела перед телевизором. Да, Танька. Так называли ее родители, скрывая любовь за напускной грубоватостью, а потом, по характеру, по неиссякающей страсти ко всевозможным проступкам, совершаемым исключительно из хулиганских побуждений, все-таки она была Танька. Ее невозможно было назвать Танюшей...»

Виктор Пронин

Испанский гость

Будем считать, что это случилось ранним вечером.

Наталья Михайловна готовила нехитрый ужин из картошки и легкого салата, а Вадим Кузьмич за небольшим письменным столиком просматривал проявленные пленки. Танька сидела перед телевизором. Да, Танька. Так называли ее родители, скрывая любовь за напускной грубоватостью, а потом, по характеру, по неиссякающей страсти ко всевозможным проступкам, совершаемым исключительно из хулиганских побуждений, все-таки она была Танька. Ее невозможно было назвать Танюшей, Танюсенькой или другим изуродованным именем, призванным показать родительское обожание. Удостоверившись, что и на этот раз Зайцу удалось избежать волчьих зубов, Танька разжала побелевшие от напряжения пальцы и облегченно откинулась на спинку стула.

– Не съел, – выдохнула она обессиленно.

Раздался звонок. Первой к телефону подошла, да что там подошла – подбежала Танька. Встав на цыпочки, она взяла трубку и замерла от предчувствия чуда, которого ждала от каждого звонка, стука в дверь, от каждого письма, телеграммы, от пьяного соседа или позвякивающего железками сантехника.

– Алло! Кто это?!

– Серый Волк, – ответил густой воркующий голос.

– Добрый вечер, Серый Волк! Как поживаешь?

– Ничего, спасибо, – озадаченно проговорил голос. – А ты?

– И я, спасибо! Тебе что-нибудь нужно?

– Я бы хотел поговорить с твоим папой. Можно?

– А почему у тебя грустный голос?

– Хм... Не знаю... Устал, наверно.

– А откуда ты звонишь? Из леса? – Таньке хотелось продлить интересную беседу и она, услышав, что идет отец, заторопилась, успев задать еще несколько вопросов. – Тебе, наверно, негде ночевать? За тобой собаки гонятся? Ты хочешь у нас спастись?

Вадим Кузьмич подошел, подождал, пока Танька выслушает ответы, взял трубку.

– Это Серый Волк, – сказала Танька. – Ему негде ночевать.

Он хочет приехать к нам в гости.

– Гости – это хорошо, – кивнул Вадим Кузьмич. – Алло!

– Гражданин Анфертьев? Вас беспокоит дон Педро.

– Кто?! – присел от неожиданности Вадим Кузьмич. – Кто меня беспокоит? Педро?

– Дон Педро, – поправил собеседник.

– Слушаю вас, товарищ дон Педро. – Вадим Кузьмич начал робко улыбаться.

– Нечего меня слушать! – вдруг панибратски сказал неизвестный. – Ты лучше стол накрывай. Гость у тебя сегодня.

Гость из Испании. Вовушка. Помнишь такого?

Да, это был Вовушка, давний, еще с институтских времен, приятель Анфертьева. Когда-то вся группа откровенно посмеивалась над его нескладностью, колхозными одежками и словечками, над его салом в тумбочке, скуповатостью, которая скорее шла от скудных достатков, нежели от истинной жадности. Надо же, Вадим Кузьмич начисто забыл девушек, мелькнувших на его пути, но помнил всех, за которыми безуспешно ухаживал Вовушка. Девушки были под стать ему самому – носили пиджаки с тяжелыми ватными плечиками, туфли на низких каблуках, волосы их были в мелких бараньих завитушках. Но они пренебрегали Вовушкиными страданиями, да и сами не прочь были присоединиться к шуточкам над ним – высокое понимание имели о себе.

Судьба жестоко отомстила этим недалеким существам. В наши дни они являют собой грузных торопящихся тетек с авоськами, набитыми подтаивающей рыбой, подвядшими овощами, подтекающими пакетами молока. По части моды те, давние девушки уже к пятому курсу наверстали упущенное, догнали и даже обогнали остальное человечество, но, право же, лучше бы они этого не делали.

В отличие от многих блестящих, остроумных, снисходительных красавцев, пользующихся успехом у красавиц всех курсов, вроде изысканного Вовчика Евграшкина, суматошного Марика Федорова или степенного Алика Козовского, Вовушка оказался силен в другом. Найдите этих красавцев

сегодня, найдите! Вы увидите смирившихся с собственной незавидной участью любителей выпить и потрепаться о жизненных невзгодах, малой зарплате, женах, которые их не понимают, вы увидите людей в замусоленных галстуках, со вчерашней щетиной, седой уже щетиной на немолодых щеках. Найдите, и они обрадуются вам, потащат за угол, где в соседнем гастрономе есть у каждого из них знакомая продавщица винного отдела, которая дает им иногда бутылку в долг. Они обрадуются вам, потому что после второго стакана, заглядывая в глаза, смогут еще раз рассказать, почему у них все сложилось так неудачно. А еще они обрадуются, потому что теплятся в них воспоминания о славных годах, когда они были первыми, когда жестом могли поставить на место кого угодно, когда вся жизнь была впереди – и черт возьми! – до чего прекрасная жизнь была у них впереди!

Да, так Вовушка оказался силен в другом. Получив направление в захудалую строительную контору, он начал с того, что забраковал проект неимоверно дорогого канализационного путепровода, но не стал составлять новый, а предложил несколько усовершенствований, которые позволили бы уменьшить его стоимость на миллион рублей. Однако начальник, посмотрев предложенный вариант, выгнал Вовушку из кабинета вон.

Бывает.

Вовушка извинился и, робея, бочком, протиснулся в кабинет начальника повыше. А тот не стал с ним разговари-

вать на том основании, что есть начальник пониже. Вовушка опять извинился и вздохнул с облегчением. Его давила солидность начальника, угнетала неприступность стола, напоминающего крепость, его обжигала красная пылающая ковровая дорожка. Зажав под мышкой институтскую еще клеенчатую папочку, он отправился к управляющему трестом, полдня просидел в приемной, а когда секретарша, потеряв бдительность, вышла по своим делам, проскользнул в кабинет и, запинаясь, комкая слова и папку, сказал, что у него имеются кое-какие соображения на предмет экономии.

– Что же вы предлагаете сэкономить? – спросил управляющий, маясь от бесконечных забот.

– Миллион, – тихо ответил Вовушка.

– Молодой человек. – Управляющий посмотрел на тощую Вовушкину загорелую шею, на портки с пузырями на коленях, скользнул взглядом по обтрепанной клеенчатой папке, из которой на углах торчали нитки матерчатой основы, и вздохнул. – Молодой человек, разрешаете дать вам по шее, если миллион окажется липовым?

– Разрешаю, – ответил Вовушка. – Все очень просто. Нам незачем рыть трехкилометровую траншею глубиной пять метров, да еще по жилому району. Давайте сместим трассу на полкилометра в сторону и пустим трубу по оврагу. К тому же мы зароем овраг.

Управляющий посмотрел на схему, закрыл на минуту глаза, а когда открыл, они уже были не такими отрешенными.

– Хотите дать мне по шее? – спросил он у Вовушки.

– Я бы с удовольствием дал по шее начальнику стройуправления.

– А уже это сделаю я. И тоже с удовольствием.

А через три года президент республики подписал Указ о присвоении Вовушке звания заслуженного рационализатора – не только за этот проект, но и за десятки других. Вот так. Как заслуженный рационализатор он получил большую квартиру вне очереди, женился, родил сына, потом дочь, в промежутке придумал какой-то хитрый лазерный прибор, защитил кандидатскую диссертацию, бросил производство, перешел в институт, стал доцентом и уехал в Пакистан строить завод. И Вадим Кузьмич Анфертьев полагал, что Вовушка до сих пор поднимает металлургию не больно дружественного нам Пакистана, а тут вдруг оказывается, что он час назад прилетел из Мадрида.

– Дела, – протянул Вадим Кузьмич озадаченно. – Это не Вовушка, а конь мадьярский.

– Конь? – спросила Танька. – А мне сказал, что он Волк. Серый Волк.

– Приедет – разберемся, – и Вадим Кузьмич направился на кухню. – Наталья! Хошь – смейся, хошь – плачь. Едет гость.

– Что еще за гость? – спросила Наталья Михайловна. И Вадим Кузьмич понял, что совершил ошибку, сообщив о новости на кухне, а не в комнате или в спальне. Давно замече-

но, что женщины на кухне нетерпимее, на кухне женщина находится в явной оппозиции к остальному человечеству, к его заботам, интересам, даже к его развлечениям, а иногда она попросту разочарована в человечестве. Возможно, есть женщины, которые на кухне счастливы, но Наталья Михайловна к ним не относилась. На кухне она страдала и не скрывала этого.

– Вовушка! – воскликнул Вадим Кузьмич. – Помнишь, он был у нас лет пять назад? Загорелый, лысый и ходит боком, помнишь?

– А, – протянула Наталья Михайловна. – Тот самый, который уговаривал нас не разводиться? При том, что мы и не собирались, как мне помнится. – Наталья Михайловна отвернулась к плите, показывая тем самым, что новость ее не взволновала.

– Но он уже едет! Едет!

– А я что? – Наталья Михайловна с недоумением посмотрела на мужа. – Разве я возражаю? Пусть едет. Покормим, постелим, уложим.

– Он ненадолго. Вовушка не останется надолго, даже если мы оба станем перед ним на колени.

– Надеюсь, до этого не дойдет. – Наталья Михайловна усмехнулась горько, хотя, в общем-то, для горечи оснований не было. Но разговор происходил на кухне, и этим все объяснялось.

– Вовушка едет из Испании, – сказал Вадим Кузьмич. –

Завтра ему нужно зайти в свое управление, там, оказывается...

– Откуда он едет? – звонко спросила Наталья Михайловна.

– Из этой, как ее... Ну, Италии... Хотя нет, из Испании.

Тихо, с легкой скорбью Наталья Михайловна присела на расшатанную кухонную табуретку, подперла щеку рукой, почувствовав вдруг печальную тяжесть, навалившуюся на нее. Она неожиданно остро ощутила неуютность своей маленькой, скромненькой, бедненькой кухоньки. Да, эта кухня, жареная картошка на сковородке, салат из кабачков и лука, которому она отдала целый час своей единственной жизни, да еще полчаса проторчала в очереди среди уставших и озлобившихся женщин, этот ее передник, одновременно служивший кухонным полотенцем, да что передник, ее муж, Вадим Кузьмич Анфертьев, заводской фотограф, – все это вступило в унижительное противоречие с одним только словом «Испания». Пока она разглядывала картофельные очистки на исцарапанном столе, перед ее мысленным взором промелькнуло побережье лазурного моря, беззаботные люди в ярких купальниках, залитая разноцветным светом сцена из какой-то оперы, красавица в платье с длинным подолом, красавец в распахнутой сорочке и с обнаженной саблей в руке, брызжущий кровью бык, счастливое лицо тореадора и, наконец, простоватая Вовушкина физиономия, которую она помнила довольно смутно.

– Он звонил из автомата, там народ собирался, очередь...

Уточнил наш адрес и повесил трубку.

– А где, говоришь, он был до этого? – спросила Наталья Михайловна, не поднимая головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.